

Моё лицо просто пылает от справедливого гнева на эту трижды проклятую и чертовски упрямую сучность совсем рядом с кончиком палочки.

— Да чтоб тебя, пёрышко грёбаное! И ту воображаемую птичку, которая тебя отрастила! — целый поток жалоб и ворчания на порядочность и супружескую верность в семействе выращивателей данного пера льётся из моего рта в пространство. Сажусь и буквально клопочу несколько минут, постепенно избавляясь от язвительных оскорблений. Даже обидно, что я не смог выдать их сразу. Слегка успокоившись, встаю и снова пронзаю взглядом перо.

— Ладно, сучье семя, теперь ты постарайся. — Размахнуться и стегнуть палочкой. — Вингардиум Левиоса!.. Б...дь!

Я кручу палочку — как она меня достала! — и бросаю её на стоящую позади кушетку. Пальцем грожу перу.

— А ну слушаться, ты... К-а-а-а-а?.. — знакомый наплыв из моего живота через плечо передаётся в палец и оттуда наружу. Перо ракетой взлетает вверх, но из верхней точки почти сразу планирует обратно. Наверное, я потерял сосредоточенность.

В изумлении я наблюдаю за летящим на пол пером. Поднимаю его, кручу в пальцах, а потом заменяю на новое для чистоты опыта. Сосредотачиваюсь, стараясь, чтобы всё получилось более плавно. И точно, заметно меньший поток того, что, как я уже понимаю, и есть моя магия, вытекает из пальца и поднимает перо над столом. Не так резко в этот раз, но всё равно очень грубо. Я прерываю эманацию, но перед самым приземлением пера делаю ещё одну попытку, стараясь выдать только то количество магии, которое необходимо, чтобы перо плавало в воздухе.

Да!

Я бросаюсь назад, чтобы забрать палочку, и кладу перо на место. Направляю палочку, сосредотачиваюсь, и перо поднимается лишь от крохотной капли магии. Позволяю перу упасть и пробую заново. Размахнуться и стегнуть.

— Вингардиум Левиоса, — перо остаётся в покое.

Что ж это такое творится-то, трах-тибидох?

Сосредотачиваюсь снова, стремясь выпустить только ручеек магии. Как только я чувствую её в руке, делаю взмах палочкой.

— Вингардиум Левиоса.

Движение и словесная формула разрушают мою концентрацию!

Опять призываю толику магии. В этот раз без палочки перо не двигается.

— Вингардиум Левиоса, — говорю отстранённо, сосредотачиваясь на ощущении магии. Перо взмывает.

Чуточку магии.

— Вингардиум Левиоса. — Перо взмывает.

Чуточку магии.

— Якка фуб мог. — Перо взмывает. Ржу, как маньяк. А потом приходит идея.

Чуточку магии.

— Ступефай. — Перо взмывает.

Чуточку магии.

— Авада... — От пронзившей тело непроизвольной дрожи концентрация разрушается напрочь.

Не стоит больше повторять. Всё ещё дрожа, иду к одному из свисающих с потолка манекенов и нацеливаю палочку.

— Ступефай. — Ничего.

Засовываю палочку в карман и направляю руку на манекен. Зачерпываю приличное количество магии и сосредотачиваюсь на том, что хочу получить. Красный импульс слетает с моей руки и ударяет в манекен, немного сдвинув его с места. Ничего подобного взрыву из фильмов.

Конечно, оглушение неподвижного неживого предмета незаметно. Тот же результат скорее всего будет для помеховой порчи — импедименты. Решаю их пропустить. После оглушалки в животе как-то странно тянет. Заставляю комнату создать часы — до обеда остаётся всего ничего, как раз ещё для одной попытки.

Отступив назад, злобно ухмыляюсь манекену и представляю, что сделает ему Джинни через год. Держу руку, пока через неё проходит очень большой импульс магии и в виде большого синего шара вылетает из ладони. Но я не вижу результатов — отдача размывает меня по

полу.

Из-за крайне болезненных спазмов живота само падение в памяти не откладывается, а мир вокруг затягивает муть. Открываю глаза. Стоп, когда это я успел их закрыть? Скашиваю взгляд в сторону от света, и голова тут же раскалывается от боли. Хорошо, что свет приглушенный. Кто это сделал? И где я опять? Ах, да. Выручай-комната. Смотрю на стену, и часы появляются снова. Почти полшестого.

— Погодь. Что? — неожиданный звук и мое движение заставляют схватиться за голову и заорать от боли.

Самое время выяснить, может ли комната создать что-то способное помочь мне с головой. Вряд ли это может быть чем-то съедобным. Что странно, поскольку воду создать можно. И птиц, которых, наверное, можно поймать и приготовить. А если они исчезают со временем, и организм их просто не усваивает? Нашёл о чем думать. Переключаюсь на насущное, и мне, пусть не сразу, удаётся получить тряпку со льдом.

После нескольких минут с холодом на лице удаётся оклематься и сесть, а чуть погода — даже встать. Постепенно двигаюсь к выходу, где, вывалившись наружу, я жалобно хныкаю — холодная тряпка исчезает.

В конце пути к Большому залу я иду вполне приличным быстрым шагом. Что, конечно, прогресс по сравнению с тем ленивцем, который покинул комнату. И даже собственные шаги больше не отдаются грохотом у меня в голове.

— Эй, ты потерялся, тебя не было на обе... Ой, что случилось? — вскакивает и тоненько вскрикивает Гермиона, когда замечает моё состояние. Гарри с Роном повторяют движение, в полной готовности к немедленным действиям.

Я морщусь от громкого звука.

— Ты могла бы... — начинаю, но мой голос искажён долгой отключкой, заставляя меня откашливаться в попытке прочистить горло. — Можно потише? А то я ощущаю себя так, будто по мне пробежался тролль.

— Тролль? — дёргается Рон, с опаской оглядываясь вокруг. — Где?

— У-у-уй... — издаю стон.

— Это выражение такое, Рон, — сердито говорит Гермиона, потом поворачивается ко мне с выражением беспокойства. — Тебя надо доставить в больничное крыло.

— А я есть хочу, обед пропустил...

Она рассматривает меня с кислым видом, но поворачивается и начинает накладывать еду мне на тарелку.

— И что же случилось?

— Практиковался в магии... Ничего такого, просто слишком увлёкся...

— О нет! Ты же можешь пострадать от магического истощения! Тебе надо в...

Морщусь и вскрикиваю от резкого звука, и она захлопывает себе ладонью рот.

— Знаю, знаю, знаю. Вот только дай немножко поесть, — настаиваю на своём.

— А что за симптомы? — спрашивает она, на этот раз благословенно тихо.

— Головная боль, резь в животе, чувствительность к свету и звуку, — загибаю пальцы на каждый симптом. — Да, ещё провалялся в отключке шесть часов.

— Шесть часов!? — её сорвавшийся почти на визг голос многократно рикошетит от внутренних поверхностей моего черепа, как будто каждый звук пытается внедриться в них с помощью молоточков печатной машинки.

— У-у-уй...

— Чувствительность к звукам, Гермiona. Помнишь? — срочно шепчет Гарри.

— Извини... — теперь уже она шепчет мне.

Киваю как можно мягче — мозготрясение мне сейчас противопоказано — и наслаждаюсь минутой тишины, мирно поглощая пищу.

— А зачем ты практиковался? — не выдерживает Гермiona, но голос не повышает. — Я ты думала у тебя какие-то дела.

— Это они и были.

— А я думала, мы вместе будем практиковаться, — в её голосе слышу лёгкую обиду.

— Обязательно займёмся, но я просто не хотел сгореть от стыда, — выдавливаю улыбку. — По крайней мере,— не до основания.

— Сомневаюсь в такой возможности.

Если я сейчас фыркну — будет бо-бо, поэтому давлю этот прекрасный порыв.

— Ты бы удивилась.

Я наконец кладу вилку на стол и тут же получаю вопрос.

— Ну вот, и как ты себя теперь ощущаешь?

— Заметно лучше, как ни странно, — говорю медленно. — Почти наверняка у меня были обезвоживание и голод. Я всё ещё их чувствую, — глотаю ещё воды. — Но вряд ли смогу съесть что-то ещё прямо сейчас.

Она сжимает губы, наверное, разрываясь между желаниями затащить меня в немедленно в больничное крыло и одновременно не показаться уж слишком раскомандовавшейся.

— Я всё ещё считаю, что нам нужно поскорее пойти в больничное крыло.

Пытаюсь слегка развеять напряжение в атмосфере.

— По крайней мере, будет неплохо на будущее знать туда дорогу.

Гарри выразительно хмыкает.

— Постоянный клиент? — пытаюсь отреагировать, но даже улыбаться оказывается больно.

— Можно и так сказать, — отвечает Гарри.

— Думаю, Гарри знает это место лучше самой Помфри, — смеётся Рон.

* * *

— Вот и всё, мистер Лернер. Можете идти. И не напрягайтесь — лучше не колдуйте до завтра, — деловито говорит хогвартская медсестра. Она не так сурова, как МакГоннагал, но в ней

ощущается такой же недостаток тепла.

— Спасибо вам, мадам Помфри.

— И вам спасибо, мисс Грейнджер, что привели его.

Гермиона кивает, заливаясь румянцем, и мы выходим.

— Спасибо, что заставила меня сходить сюда. Зелье, конечно, мерзкое, но мне после него стало гораздо лучше, — говорю я, как только закрываются двери.

— Но ведь это было нужно тебе, — решительно заявляет она. — Я рада, что ты так думаешь. Гарри мне обычно приходится тащить сюда за уши. Если он в сознании, конечно.

— Значит, регулярно приходится, если я правильно расслышал, — я тихо хмыкаю.

— У-у-у, ты даже не представляешь — насколько регулярно.

— Наверное, тебе есть что порассказать? Нам ещё идти и идти, в конце концов, — хочу вернуться в выручай-комнату, но пока не могу придумать, как всё повернуть без подозрений.

— Хмм... О! Ну вот, знаешь, был у нас на второй году учебы ужасный профессор по ЗОТИ. Его звали Гилдерой Локхарт, ты слышал о таком? — я киваю, и она начинает рассказывать про то, как Локхарт убрал все кости из руки Гарри ниже локтя. А потом продолжает повествование о многих других пороках этого мошенника, искусно избегая любого упоминания о тайной комнате и василиске.

Мы так громко и самозабвенно смеемся над выходками Локхарта, что я даже не заметил, как мы оказались перед портретом Полной Леди.

Приходится срочно придумывать повод слинять.

— Ну, иди вперед, а мне надо кое-что забрать... я...оставил перед тем, как спустился на ужин.

Её поначалу скептический настрой тут же становится обвиняющим.

— Ни за что, мистер Лернер! Ты не будешь сегодня колдовать. Помнишь слова мадам Помфри?

— Послушай, да не собираюсь я сейчас колдовать, клянусь, — говорю я чистую правду.

— Тогда я иду с тобой.

— Но... Вот. Разве ты не должна сейчас встретиться с Гарри и Роном? Ты же говорила об этом на обратном пути, — да, я понимаю, что это жалкий аргумент.

— Подождут, ничего с ними не случится, — упрямо сжатая челюсть предельно четко намекает мне о тщетности попыток заставить её отказаться от опеки.

Почесав затылок, говорю:

— Окей, — меня осеняет идея. — Схожу завтра. — Поворачиваюсь к портрету. — Балдердаш.

— Почти вовремя, — закатывает глаза портрет.

Сопровождаемый подозрительным взглядом Гермионы я захожу в гостиную и сажусь рядом с Роном и Гарри у огня, хотя мне не особенно холодно.

— Как всё прошло? — спрашивает Гарри.

— Нормально всё. Выпил зелье, вылечился.

— Не только, тебе ещё до завтра запрещено колдовать, — настырно добавляет Гермиона.

— Сочувствую, приятель, — бормочет Рон. Понимаю, что он не только и не столько о магическом истощении. К несчастью для него, Гермиона это тоже понимает. — Ой!

— А что там насчёт твоих дел с МакГоннагал, ты хоть добрался до её кабинета? — спрашивает Гарри.

"Я люблю тебя, Гарри".

— Ох, блин! Забыл! — Делаю я круглые глаза и встаю.

— Я пойду с тобой, — говорит Гермиона.

— Я знаю дорогу, но спасибо за...

Её взгляд становится жестче. Чёрт побери!

— Оставь человека в покое, — пытается вступиться Рон, и закономерно... — Ой!

— Гермиона, помоги мне с моим летним эссе по чарам, — просит Гарри. — Я не совсем уверен насчет последствий чрезмерного применения чар бодрости.

Гермиона переводит своё внимание на Гарри, а тот невинно подмигивает ей в ответ.

— Хорошо.

— Пока, ребята, — говорю я, выходя из Общей комнаты.

Я держу путь к выручай-комнате. Интересно, провожает ли Луна закат? И если да, то на старом месте или смотрит из другого окна? Специально делаю петлю, но, к моему разочарованию, на этаже её нет. Примерно час до отбоя, значит стоит поторопиться, если я хочу хоть что-то успеть. Направляюсь в угол с гобеленом и начинаю ходить туда-сюда, держа в уме изображение нужной мне комнаты.

— Вот ты где, — я замираю от голоса Гермионы, эхом разнесшегося по коридору. Глупо надеяться, но, может, она говорит с кем-то другим? Это предположение рассыпалось в пыль, столкнувшись с реальностью: она направляется прямо ко мне.

— Ой, приветик, — Что я делаю? Стоит или нет показывать ей выручай-комнату? Чёрт, времени очень мало. Она не должна была найти её до следующего года. Большое ли это изменение? Сдаст ли она меня? Это же и вправду подозрительно, что я знаю о секретной комнате в замке, в котором до вчерашнего дня ноги моей не было.

— Что ты здесь делаешь? — её голос сочится подозрением.

— Наслаждаюсь закатом, видишь? — я прилагаю все усилия, чтобы выглядеть невинно.

— Я тебе не верю, — решительность в её голосе, взгляде и позе не оставляет сомнений — мои слова уже не убедят её.

Блин! Закрываю ладонями лицо, провожу пятернями вверх по волосам и сцепляю пальцы на затылке. Окей, она всё равно собирается узнать, так? Изменится ли что-то, если Гарри и Рон тоже узнают? Быстро прогоняю различные сценарии, и самое плохое, что приходит в голову — нас может обнаружить Крауч-Хмури. Правда, он, кажется, пока затаился. Неловкое поведение самозванца на пиру показывает, что он вряд ли хочет слишком уж светиться поначалу и уж тем более раскрыться.

— Окей, но ты должна поклясться, что никому не расскажешь.

Её глаза округляются от изумления, рот раскрывается и закрывается, словно у вытщенной на берег рыбы.

Смотрю прямо в глубину её карих глаз.

— Поклянёшься?

Она прикусывает губу.

— А как же Гарри и Рон?

— Покажем им позже. Это не может... — я колеблюсь, стараясь придумать обоснование. — Это не может быть общедоступным знанием.

— А как насчёт преподавателей?

— Особенно для учителей. Серьёзно, Гермиона. Только не им. Это может привести к катастрофе. Даже Дамблдор не знает, кажется.

Она даже делает шаг назад, а взгляд становится тревожным.

— Ты меня пугаешь...

— Эй, я же обещал, ничего страшного, — я говорю, умышленно не замечая намёка, что она испугалась меня. — Вот, заberi мою палочку. — Естественно, я не упоминаю, что она в действительности мне не нужна палочка.

Она даже не пытается взять деревяшку.

— Думаю, этот замок хранит множество секретов, — Она издает какой-то придушенный звук. Блин, опять не то сказал. С её-то опытом знакомства с Тайной комнатой, все секреты не предвещают ничего хорошего. — Но этот достоин быть одним из самых крутых, — скороговоркой выплевываю слова. — Смотри.

Я кладу палочку на пол и поворачиваюсь лицом к ещё не появившемуся входу. Очищаю разум, воображая ту же комнату, что и утром, и быстро прохожу три раза туда-обратно. Полузадушенный писк, последовавший за скрежетом стены, говорит о моём успехе. Открываю дверь и встаю рядом.

— Давай, проверь, что там.

Меня радует, что она настоящая гриффиндорка, иначе только бы её и видели. Вместо того, чтобы убежать, она осторожно проходит вперёд, стараясь заглянуть в дверной проём. Сразу за дверью видно помещение с диваном, удобными креслами разных типов и столами из читального зала, чему я очень рад. Тренировочные манекены выглядели бы странно в качестве первого впечатления.

— Что это такое?

— Это называется выручай-комната или комната по требованию. Я нашёл такую же в моей старой школе, провёл расследование и обнаружил, что её идея основана на находящемся здесь оригинале, — не самая страшная моя ложь. — Я и представить не мог, что появится возможность найти этот самый оригинал. Вот я и не удержался, бросил вас всех утром, обнаружил вход и заказал комнату для тренировок, получив вот это.

— Ты... Просил?

— Да. Она появляется только когда нужна и преобразуется в соответствии с желаниями того, кто ее вызвал. Заходи, покажу... А то скоро отбой.

Она выпрямляет спину и заходит. При взгляде на валяющуюся палочку я задумываюсь, не призвать ли её, но вспоминаю о своём обещании Гермионе. Наклонившись поднять палочку, я тут же бросаюсь ловить дверь и захожу следом за девушкой, позволяя двери слиться со стеной.

Гермиона уже кудахчет у книжных полок.

— Здесь куча книг по зельям.

— Я же обещал не колдовать, правда? — Справа, на границе салона и тренировочной площадки, стоит стол с оборудованием для варки зелий.

Сияющая улыбкой Гермиона оглядывается на меня.

— Это удивительно!

— Я так и думал, что ты оценишь эту часть. Только вот времени для пробы совсем мало. Ты можешь предложить мне что-нибудь из быстрых в приготовлении зелий на первый раз?

— Зелье роста волос, — в задумчивости сжав на пару секунд губы, выдаёт она.

— Хм, предпочёл бы что-то более практичное.

— Самые полезные требуют наибольшего количества времени. Глоток сна настаивается почти два часа, к примеру, и даже простейшее зелье от угрей требует сорок пять минут на приготовление. Будет совсем близко к отбою. Зелье для роста волос быстро изготавливается и безопасно для испытаний. Или ты можешь попробовать что-то более трудное, как, например, Глоток Спокойствия. Но если ошибиться в нём, то можно заснуть навсегда. Не знаю, насколько ты хорош.

— Попробуем Глоток Спокойствия, я чувствую в себе желание рискнуть, — слегка рисуясь улыбкой. — Если зелье будет выглядеть плохо, мы просто избавимся от результатов.

— Это ты правильно решил. Так, где это... Ага, вот. Учебник пятого курса. Погоди, а ингредиенты?

— Название комнаты помнишь?

— Но ты не можешь сотворить ничего съедобного, это же одно из пяти принципиальных исключений Закона Гампа об элементарной трансформации!

— Да, я думал об этом раньше, — кроме той части, что про закон Гампа. — Но ведь ты можешь создать воду? И птиц? Мне кажется, в этой комнате закон может интерпретироваться очень гибко. Давай попробуем и посмотрим, справится ли комната. В точности знаю только то, что созданные комнатой вещи исчезают при попытке вынести их наружу. А может, исчезают даже внутри, со временем.

— Хорошо, — подумав, говорит Гермiona, — давай попробуем. Нам нужны: порошок лунного камня, сироп чемерицы, он же морозник, порошок игл дикобраза, корень валерианы и порошок рога единорога. Здесь...

В соответствии с нашими ожиданиями, комната создает достаточные порции всех пяти компонентов.

— Как готовка, — прочитав рецепт, говорю я скорее для себя.

— По большей части, — отвечает Гермiona. — Но "запас прочности" при готовке гораздо шире, чем при зельеварении. Количество и качество ингредиентов, поддержание температуры, время, интенсивность кипения — важно всё. Мастер-зельевар знает все свойства всех ингредиентов, включая их совместные реакции. И как смесь будет отзываться на какое-то воздействие.

— Ужас какой. — Я улыбаюсь. — Не окажешь ли мне честь и не сотворишь основу для зелья с помощью Агуаменти? Я бы и сам... но я же обещал.

— Увы. У нас агуаменти изучают только на шестом курсе, но ты ведь можешь получить воду

так же, как и остальные составляющие, — говорит она, усаживаясь в одно из удобных для наблюдения за мной кресел. Понаблюдав какое-то время за моими движениями, она улыбается. — Несправедливо, но у некоторых людей природное чутьё для варки зелий. У Гарри оно есть, как это ни удивительно, но он не слишком старается, понять все самостоятельно. Да и Снейп постоянно выясняет с ним отношения. Я же вынуждена изучать, запоминать и делать закладки.

Улыбаюсь ей в ответ. Меня подмывает выдать причины неприязни Гарри и Снейпа, но тут молчание — точно золото.

— Хорошо, ингредиенты уже готовы? Или вы обычно сами толчете всё в порошок?

— Конкретно эти ингредиенты поставляются нам в класс уже в таком виде. На шестом и седьмом курсе придётся зачаровывать пестик и ступку, чтобы растирать всё в порошок самостоятельно. Интересно, может комната знает об этом?

— Нет, я нарочно попросил ингредиенты в порошке.

— Интересно, — задумывается Гермиона, а я углубляюсь в формулу Глотка Спокойствия.

Не успеваю опомниться, как все порошки и корень валерианы уже добавлены. Я тут же уменьшаю пламя и устанавливаю яйцо-будильник на семиминутное кипение. Конечно же, я не уверен ни в цвете, ни в температуре, ни в запахе зелья, но Гермиона не кривится и не вздрагивает, а значит, — всё не так уж плохо. Однако же она не улыбается, а спрашивать сам я боюсь.

— Может мне попросить комнату сотворить что-нибудь и для тебя? — задаю я вопрос вместо того, чтобы спросить мнение о зелье.

— А разве тебе не надо следить за зельем?

— Тут написано, что ему надо прокипеть семь минут до того, как добавлять чемерицу. Прошла только одна. Могу сотворить что-нибудь по твоему желанию. Как насчёт книги, не связанной с зельями?

— Спасибо, не сейчас. Слишком мало времени осталось, чтобы насладиться чтением.

— Ну, не знаю. Я видел, как ты прочитала весь наш учебник по чарам за завтраком.

Она робко улыбается. А я отвожу взгляд. Чёрт, что я делаю? Флиртую с Гермионой? Конечно, она и Рон — это просто какая-то бессмыслица. Но могу ли я менять что-то подобное ради собственной прихоти? Будущее от такого может пойти кувырком.

— Что-то неправильно? — должно быть, она заметила мой взгляд.

— Просто думаю, — отвечаю со вздохом.

— Хочешь что-нибудь рассказать? — тихо спрашивает она чуть погодя.

— Хмм... — хочу.

— О чём бы ты там ни думал, но радости тебе это не доставляет.

— Увы и ах.

Похоже, она начинает нервничать.

— Я знаю, мы только что познакомились. Но ты и вправду можешь мне рассказать, что угодно.

— Может быть, когда-нибудь.

— Кстати о времени, — намекает она голосом массовика-затейника.

Вылупливаюсь на часы. Фууух, ещё тридцать секунд до вливания сиропа.

— Ты меня напугала.

— Что посеешь, то и пожнёшь, — улыбается она.

— Увы, да.

Добавляю сироп чемерицы, и зелье исходит желтоватым паром с неприятным запахом.

— Непохоже на приемлемый результат.

— Нет, и не смей даже пробовать, — она мило морщит носик.

Гипнотизирую котелок в тщетной надежде, что цвет исправится, но моему желанию не суждено исполниться.

— Есть идеи, в каком месте я ошибся?

Она странно смотрит на меня.

— Похоже ты слишком вяло сыпал иглы дикообраза, и нагрев для начального кипения был сильнее, чем нужно. Двигаться стоило более плавно — ты слишком резко помешал в седьмой раз.

Выключаю горелку.

— Это... Так дотошно...

— Я пристально наблюдала, — вспыхивает она румянцем. — Конечно, это не я готовила сейчас, поэтому могу только указать на то, что я делала бы иначе. Неизвестно, кстати, может мой результат был бы ещё похуже твоего.

Сомневаюсь, конечно, но показывать это нельзя — откуда мне знать, насколько она хороша.

— Боюсь я совершенно не представляю себе, где ошибся, и мне тоже придется полагаться на память и закладки. Это очень плохой признак. Ладно, в следующий раз варишь ты, а я буду смотреть и учиться.

— Хорошо придумал, — улыбается она.

— Нам вроде бы пора обратно, разве не так?

— А что делать с этим? — она показывает на изжёлта-вонючий, испорченный Глоток Спокойствия. Пожимаю плечами.

— Комната позаботится об этом, если только ты не будешь столь любезной...

Без промедления она вытаскивает палочку.

— Эванеско.

Сопровождаю завистливым свистом полностью исчезнувшее зелье.

— Красиво! Даже капельки не осталось.

— Спасибо, — в очередной раз краснеет она.

— После вас? — заставляю появиться дверь и придерживаю её открытой, жестом предлагая

Гермионе проследовать наружу.

— Какой вежливый!

— Никому не говори. Мне нужно поддерживать репутацию, в конце-то концов.

Она кокетливо хихикает. Хи-хи! Гермиона Грейнджер не хихикает! Чёрт тебя подери, Лернер! Опять флиртуешь, а?

— Гермиона, я... — Я не должен этого делать. Но... я не могу так сказать. Но как суметь? — Я рад, что ты пошла за мной сегодня вечером, — напускаю сердитый вид. Пора за дело, Лернер. Надеюсь, ты добьёшься противоположного эффекта!

— Ты не слишком-то доволен.

— Нет, это не так, — я вздыхаю от разочарования. Проклятье, как бы мне это сказать? — Не выгляжу... Может, ты и права. Действительно, ты права, тебе стоит опасаться меня. Я имею в виду, что хочу быть твоим другом, но я просто...

— В замешательстве?

— Был в замешательстве, — поправляю её. Открываю рот продолжить, но не могу издать ни звука.

— Это нормально. Вряд ли мне надо пугаться тебя. Лучше нам подружиться.

Она улыбается в ответ на мой взгляд, как мне кажется — по-дружески. Надеюсь, что я ничем её не обидел и не направил в ненужном направлении. Проклятье, как же всё так быстро осложнилось?

— Я рада, что ты показал мне выручай-комнату. В следующий раз хочу сама заказать обстановку в ней.

— Тогда окей, это че... Я говорю, не возражаю. Что ты хочешь сделать?

— Библиотеку.

— Ну конечно же, — смеюсь я.

— Мне интересно, есть ли эти книги в замке, или она может выдать книгу, которой здесь нет? Например, если я попытаюсь получить настоящие свитки из Александрийской Библиотеки?

— Думаю, все они из замка, но попробовать стоит, — я обдумываю чуток, и внезапно замираю.
— Но всё-таки это может оказаться плохой идеей. Очень плохой.

— Как так? — Её взгляд становится растерянным, когда она пытается представить себе, чем плохо еще большее число книг.

— Предположим, я попытаюсь получить копию твоего дневника? — у неё глаза лезут на лоб.

— Не то чтобы я собираюсь так сделать! Я не собираюсь, но подумай, что случится если кто-то наподобие Малфоя проникнет внутрь и подумает об этом. — Вид у неё становится ещё болезненней. — Вот-вот...

— Не думаю, что Малфой сможет открыть мой дневник, но... — она крутит головой. — Теперь вижу, про что ты говоришь. Будет плохо, выйди наружу сведения о комнате. Я не слышала даже намеков на такую комнату, а нам интересно раскрывать секреты замка.

— Как сейчас? — улыбаюсь и приподнимаю бровь.

По её лицу件ятно, что она уже жалеет о вырвавшихся словах. Надо успокоить.

— Рад, что сумел внести вклад в ваши достижения, теперь ты знаешь и об этом месте, — большим пальцем показываю за плечо.

— Да уж, я думаю, — она погружается в свои мысли, а я наслаждаюсь жуткими отсветами факелов в темнеющих проходах, оставляя ее вариться в собственном соку.

Когда мы достигаем своего коридора, она смотрит вдоль него и говорит:

— Ты вообще не ходил повидать профессора МакГоннагал.

— Нет, она сказала, что сама меня найдёт. Конечно, попробайся она это сделать сегодня, то вряд ли сумела бы,— улыбаемся и машем, улыбаемся и машем. Вот только улыбочка-то выходит грустная.

— Ты... солгал! — Поперхнувшись, изумляется она.

— Прости, я был слишком смущён, чтобы признаться в своих планах. Не хотелось в случае провала сгореть со стыда.

Сжав губы, она пронзает меня взглядом.

— Ладно, предположим, я позволю тебе остаться безнаказанным... Пока. Что ты планируешь сказать Гарри и Рону?

— А ты что думаешь по этому поводу? — приходит на ум, что она даже не подозревает, как легко я могу солгать. Это может быть плохо. Или хорошо, если моей целью будет прогнать её.

Она прикусывает губу.

— Как можно ближе к правде. Ты не смог поговорить с ней. Скажи, что её не было на месте.

— А почему нас так долго не было? — вопросительно приподнимаю бровь.

— Может мы... искали её?

Тихонько смеюсь над её бедой.

— Гермиона Грейнджер, и ты утверждаешь, что ты — хорошая врушка?

Видок у нее тот еще.

— Не волнуйся, я сохраню твой секрет, — шепчу ей с заговорщицким видом. — Если ты не секретный шпион, зас... да ладно, Гермиона, шучу я. — Она сжимает губы и награждает меня лёгким шлепком по плечу. Пусть я ухмыляюсь, но утихомирить её стоит. — Ты совершенно никудышная лгунья, если это тебя успокоит.

— А ты? — говорит она с вызовом.

— Скажи, существует ли безвредный ответ на такой вопрос? — хмыкаю в ответ.

На секунду её взгляд становится отрешённым, потом она вздрагивает.

— Полагаю, что нет, — молча продолжаем подниматься. — Ты лгал мне?

Я останавливаюсь от неожиданности, обдумывая возможный ответ, потом продолжаю подъём.

— Да, но не для того, чтобы подвергнуть тебя или твоих друзей опасности, о которой знал бы сам. Могу поклясться, — криво ухмыляюсь. — Помнишь, я солгал про то, что собирался сходить и повидать МакГонагалл час назад? — Ещё несколько ступенек в тишине.

— Можно сказать, то ты не собирался идти сейчас, так что это не считается. Остаётся только

общая ложь, что тебе вообще надо было к ней идти, — она измеряет меня притворно-суровым взглядом. — А перед этим?

Делаю осторожный вдох.

— Да. Но моё предыдущее утверждение остаётся в силе.

— Я надеялась, ты ответишь иначе.

— Извини, но сказать “нет” тоже было бы ложью. Я здесь всего лишь день, и у меня должны ещё оставаться свои тайны. Уверен, у тебя их тоже хватает. Прибавь туда еще одну, теперь уже нашу общую, тайну.

Она смотрит на меня с удивлением, потом неохотно кивает.

— Ты тогда пообещал рассказать, что тебя гнетёт. Это тоже один из твоих секретов?

— Да, — снова шагаем в тишине.

— Ты доверишь мне, даже зная, что у меня есть тайны от тебя?

— Да, — мгновенный ответ.

— Почему?

— Не знаю, — лгу. — Просто чувствую, что могу, практически уверен в этом.

— Правда?

— Да. В свою очередь, думаю, что ты не ощущаешь подобного ко мне?

Она продолжает молчать.

— Окей, мне не обидно, не заморачивайся.

— Нет, не так, просто... — она умолкает.

— Не надо ничего объяснять. У меня есть громадное преимущество перед тобой — я могу поговорить с учителями и другими учениками, знающими тебя уже три года. А ты ничего не

сможешь узнать обо мне.

— И ты спрашивал? — выглядит она испуганно.

— Нет, — смеюсь. — У меня не было возможности спросить кого-то помимо Рона и Гарри, да и у них я не интересовался. Ты почти всегда была рядом при наших разговорах.

Выражение её лица меняется от испуганного к заинтересованному и обратно.

— Правда?

— Конечно, ты же их лучший друг.

— Могли бы о моих командирских замашках или ещё о чём-нибудь.

— Разок и недолго, врать не буду. Но гораздо чаще о том, что ты — одна из них. Гарри яростно бросается на твою защиту, стоит кому-то перейти черту.

— Я... Я вижу...

— Не стоит слишком волноваться. Мы, мальчишки, в этом возрасте ещё слишком глупы.

— А ты? — поднимает она брови.

— И я, — говорю опять без промедления. — Особенно я. Но ведь первый шаг к выздоровлению — это признать наличие проблемы, правильно? — наверное, стоит и мне учесть собственные слова.

* * *

— О-о-о, явились. Что вас так надолго задержало, ребята? — спрашивает Рон, когда мы добираемся до них.

Нацепляю самую озорную улыбку.

— Извините, мы сделали остановку пообжиматься*. Ой! — люблюсь отпавшими челюстями Гарри и Рона.

/*Прим. переводчика. “Обжиматься” — мой перевод грубоватого слова “Snog” из британского сленга, обычно переводимого как “целоваться”. Обозначает поцелуй совместно с объятьями. Но, в зависимости от контекста и извращённости произносящего может обозначать целый диапазон действий — от поцелуев при приветствии сердечных друзей до взаимных телесных ласк или даже чего-то большего. В известной сцене ПП одновременной подставы Гарри на похоть к Джинни, а Рона — на ревность к Гермионе, оба Уизли употребляют слово “snog”, а Гарри — слово “kiss” (просто “целоваться”) по отношению к предполагаемой активности Гермионы с Крамом./

— Какой бред! — с угрозой возмущается предполагаемая участница внезапно раскрытого перед всеми... дела. Не отрывая взгляда от меня, она продолжает отвечать на вопрос друзей. — Мы не нашли МакГоннагал... в её кабинете, поэтому стали искать ее в окрестностях.

— Обжиматься — такое странное слово для меня, — потираю я подбородок. — В Штатах мы говорим “целоваться взапас” или “лизаться”, или ещё как-нибудь. “Обжимать” — это звучит как ругательство. Типа, отобожмись, ты, обжиматый обжиматель.

— Он вообще нормальный? — спрашивает Рон, одной рукой прикрыв рот под моим взглядом, и тыкая в меня пальцем другой руки.

— Скоро перестанет, — угрожающе обещает Гермиона. — А теперь не мог бы ты заткнуться? Люди будут болтать.

— А с чего бы людям болтать про ваши обжимашки? — громким и более звучным, чем обычно, голосом спрашивает Гарри, под мой хохот.

— Гарри! — взвизгивает Гермиона.

— Эй! Кто это там с Гарри обжимается? — громко спрашивает кто-то сзади, из-за чего к нам разворачивается множество любопытствующих лиц.

— Погодите, а что вы там говорили про профессора МакГоннагал? — это уже Рон спрашивает своим нормальным голосом.

— О боги! Гарри и профессор МакГоннагал! — восклицает одна из девочек.

Еще пара слов для развития темы, и Гарри с Гермионой точно стошнит.

— Эй, козы, чё вы там разблеялись? — сердится Рон. — Че у вас там за дурдом в вашем загоне появился?

— Вы сами это сказали!

— Ничего такого я не говорил! — орёт Рон в ответ.

— Согласен, по мне так это — совершенно обжимашно смешно, — говорю я.

— А это что ещё значит? — спрашивает Рон.

— Примочка янков, наверняка. Ладно, обожми их всех, а я устал, — широко зеваю. — Спокойной ночи леди и джентльмены.

Гермиона прервала мой очень куртуазный в иной ситуации поклон броском подушки.

— Так, погоди-ка, — уже удаляясь, слышу голос Рона. — Вы что? На самом деле... ОЙ!

<http://tl.rulate.ru/book/53673/1359392>